

Они смеялись и дурачились, пока Е Цин, выбившись из сил, не прислонился к Лу Минцзэ, тяжело дыша:

— Зачем ты так играешь, это правда щекотно.

Юноша был ещё невысоким, с тонкой талией, его белая кожа отливала соблазнительным розовым оттенком. Когда он смотрел на Лу Минцзэ, в его глазах ещё блестели слёзы от смеха, что только разжигало желание Лу Минцзэ.

Он осторожно обнял юношу за талию и тихо прошептал ему на ухо:

— Мне нравится так играть с тобой.

Его голос был низким, но в нём чувствовалась неподдельная радость.

Е Цин тоже почувствовал, что после такой игры их отношения стали ближе, и его настроение поднялось. Однако тёплое дыхание Лу Минцзэ, коснувшееся его уха, заставило его тело дрогнуть, а лицо почему-то покраснело. Он хотел попросить Лу Минцзэ отодвинуться, но снаружи снова раздался голос няни Юань:

— Молодой господин?

Похоже, она снова поднялась, так как не видела их долгое время.

Е Цин сразу же смутился:

— Давай скорее спустимся, не будем заставлять дядю Гу ждать.

Лу Минцзэ взял его за руку, и они вместе спустились вниз.

Гу Шэнцян уже сидел за столом, но он был человеком простого происхождения, и у него был непослушный сын, поэтому в доме не было строгих правил. Хотя они опоздали, он не рассердился, а наоборот, доброжелательно сказал:

— Е Цин, не стесняйся, считай этот дом своим. Если хочешь что-то особенное, скажи А-Юю. Сегодня уже поздно, но завтра няня Юань приготовит тебе твои любимые блюда.

Е Цин смущённо улыбнулся:

— Не стоит, дядя Гу, всё и так прекрасно.

Он взглянул на стол, уставленный изысканными блюдами, которые выглядели даже лучше, чем на праздничном столе, и сел рядом с Лу Минцзэ.

В семье Гу не было правила молчать за столом, и за ужином Гу Шэнцян расспрашивал их о повседневной жизни и учёбе. Он был мастером в общении и легко находил темы для разговора с пятнадцатилетним Е Цином, тем более что Лу Минцзэ всё время подшучивал. Поэтому ужин прошёл довольно приятно.

После ужина Гу Шэнцян поднялся на третий этаж, оставив пространство для молодых. Е Цин настаивал на том, чтобы вечером помочь Лу Минцзэ с уроками. Он хотел использовать этот вечер, чтобы проверить его текущий уровень и составить план занятий.

Хотя за эту неделю Лу Минцзэ уже практически освоил программу первого курса, он

притворился, что ничего не знает. Шутка ли, если бы он всё знал, какой смысл был бы звать А-Цина?

Е Цин был очень терпелив, видя, что у него слабая база, он не расстроился, так как ожидал этого. В конце концов, все в лучшем классе знали, каким был Гу Нинъю раньше.

Они сидели рядом за столом, учебники и тетради перед ними. Е Цин начал объяснять с самого начала, и они сидели так близко, что их плечи касались. Лу Минцзэ хотел слушать его ещё, но боялся тратить его время, поэтому через некоторое время сказал:

— Я уже понял то, что ты объяснил. Давай я сделаю упражнения, а ты можешь делать домашнее задание.

Он знал, сколько заданий задавали в Первой городской средней школе на выходные.

Е Цин подумал, что уже объяснил достаточно, и Лу Минцзэ действительно должен был усвоить материал. Он кивнул:

— Хорошо, сначала сделай упражнения, если что-то не понял, спроси меня.

За это время он уже понял, что Гу Нинъю был очень умным человеком, и начал успокаиваться.

Так они и провели время: один объяснял, другой слушал, или один решал задачи, а другой делал домашнее задание. Вскоре уже было одиннадцать вечера, и Гу Шэнцян спустился, чтобы напомнить им о сне. Е Цин ещё чувствовал себя увлечённым. Он понял, что объяснять Лу Минцзэ не так уж и сложно, и даже сам лучше усвоил некоторые непонятные моменты. Лу Минцзэ часто задавал вопросы, которые он раньше не рассматривал, и вместе они находили новые подходы.

— Уже так поздно, — он собрал учебники и сказал.

Лу Минцзэ же думал: «Наконец-то время спать». Он сказал Е Цину:

— А-Цин, моя кровать большая, давай спать вместе. Не надо идти в гостевую комнату, там одиноко.

Е Цин не возражал, они же оба мальчики, спать вместе было нормально.

Он последовал за Лу Минцзэ в его спальню, быстро помылся и надел лёгкую майку, обнажив нежную шею. Хотя уже была поздняя осень, в доме Гу было тепло. Он лёг на роскошную и мягкую кровать Лу Минцзэ и не удержался, чтобы не перекатиться:

— Какая она мягкая.

Лу Минцзэ же, как волк, смотрел на его обнажённую талию и белую кожу.

Е Цин ничего не замечал. Он устал за день, поэтому быстро уснул на удобной кровати.

Лу Минцзэ осторожно забрался на кровать, обнял стройное тело юноши, поцеловал его покрасневшее от сна лицо, выключил свет и с удовлетворением заснул.

* * *

Посреди ночи Е Цин почувствовал, что его что-то полностью обволакивает, и всё тело стало

невыносимо горячим. Он хотел выбраться из этого места, которое горело, как лава, но не мог, натываясь на преграды. В этот момент в темноте он увидел пару ярких глаз, а потом перед глазами всё стало белым, и он ничего не помнил.

Лу Минцзэ уже проснулся от того, что Е Цин начал ворочаться. Сначала он подумал, что юноша заболел, и включил ночник. Когда свет загорелся, он увидел, что лицо Е Цина покраснело, а тело активно двигалось, касаясь его, и из его рта доносились неясные стоны.

В голове Лу Минцзэ промелькнула мысль, и он почувствовал, что между их телами что-то твёрдое упирается в него. Видя, что Е Цин ничего не осознаёт, он с горько-сладким чувством дотронулся до горячего места юноши.

— Ммм...

Стоны Е Цина становились всё громче, даже во сне они звучали с удовольствием и нетерпением. Лу Минцзэ внимательно наблюдал за его выражением лица, осторожно двигая рукой. Юноша, возможно, впервые испытал такое, и быстро расслабился.

Лу Минцзэ глубоко вздохнул, чувствуя, что и у него что-то поднялось. Он сдержался и не стал трогать себя, но с какой-то скрытой целью не стал помогать юноше избавиться от последствий, а просто обнял его и продолжил спать.

Утром Е Цин проснулся и с ужасом обнаружил своё состояние. Увидев, что Лу Минцзэ, кажется, ещё спит, а утренний свет падал на его красивое лицо, добавляя ему нежности и святости, он с облегчением вздохнул, но в то же время почувствовал странное чувство.

Глядя на это лицо, он вспомнил, как в том сне он видел... видел знакомые глаза, которые всегда смотрели на него с теплом.

Как он мог видеть Гу Нинюя в таком сне? Е Цин замер, его сердце то погружалось в ледяной холод, то было охвачено сладкой теплотой.

В конце концов он сжал губы, не смея больше думать об этом.

Может быть, сон о Гу Нинюе был просто совпадением.

Он посмотрел на Лу Минцзэ, который крепко спал, обняв его, и утешил себя этой мыслью. Он изо всех сил подавлял в себе это зарождающееся чувство, осторожно выбрался из его объятий, быстро оделся и спокойно умылся.

Лу Минцзэ приоткрыл глаза и с удовлетворением наблюдал за движениями юноши. На его лице появилась довольная улыбка.

В те времена, когда он погрузился во тьму, в бесчисленных измерениях времени и пространства, его единственным желанием было видеть, как любимый человек просыпается в его объятиях, и начать обычную, спокойную жизнь. Не нужно было ничего грандиозного, просто тихо и мирно.